

Матвей Дробыш

Сладкий мир

Матвей Добров

Сладкий мир

«Автор»

2026

Добров М.

Сладкий мир / М. Добров — «Автор», 2026

Конфетный Город — идеальный приторный рай, где улыбки обязательны, а грусть карается законом. Каждое утро химический клубничный пар усыпляет разум граждан, заставляя их беспрекословно трудиться на Шоколадной Фабрике. Тех, кто дает трещину и начинает «заветриваться», безжалостно забирают на Великую Переплавку. Мармеладный медведь Грин скрывает смертельный дефект: внутри него пульсирует запретный вкус кислого лайма. Когда его сосед бесследно исчезает, а сам Грин находит чужеродный осколок стекла с пугающей надписью «БЕГИ», глянцевый фасад ломается. Теперь у него есть лишь один путь — бежать в дымящийся ад Шоколадной Фабрики, чтобы раскрыть жуткую правду о происхождении города и бросить вызов самой системе. Мрачная кондитерская антиутопия о том, что горькая свобода всегда лучше самого сладкого рабства.

© Добров М., 2026

© Автор, 2026

Матвей Добров

Сладкий мир

Кислый привкус паранойи

Акт I: Заветривание

Глава 1: Кислый привкус

Каждое утро в Конфетном Городе начиналось с удушья. Ровно в шесть часов по кондитерскому времени гигантские зефирные трубы на горизонте с глухим, утробным рокотом выплевывали в небо первую порцию розового пара. Спустя пару минут пар оседал на улицы, Вафельные дома и леденцовые мостовые. Он пах искусственной, химической клубникой — настолько приторной, что от одного вдоха глубоко в горле начинало саднить, а на зубах выступал невидимый, липкий налет.

Этот пар был повсюду. Он проникал сквозь поры мармеладных жителей, забивал дыхательные трубки соломенных кукол и, самое главное, он заставлял улыбаться. Пышное розовое облако опускалось на город, словно теплое, тяжелое одеяло, стирая из голов любые зачатки ночной тревоги.

Грин ненавидел этот пар.

Он стоял у окна своей тесной ячейки на четвертом этаже Вафельного Дома №12. Его ладонь — мягкая, полупрозрачная, из темно-зеленого мармелада — оставляла на карамельном стекле влажный, липкий след. Грин затаил дыхание, борясь с накачивающей тошнотой. Внутри него, глубоко в самой сердцевине желеино тела, пульсировал дефект.

Он был кислым.

В Конфетном Городе, где Лорд Марципан провозгласил Абсолютную Сладость высшей добродетелью и законом, вкус «кислого лайма» считался не просто уродством. Это было государственное преступление. Признак брака. Симптом того, что кондитерская масса внутри тебя начала заветриваться, портиться и гнить. Идеальный гражданин должен быть приторным. Тот, кто не был приторным, отправлялся на Великую Переплавку.

Грин судорожно сглотнул скопившуюся кислую слюну и посмотрел на улицу через мутное стекло.

По Сахарному проспекту уже двигался ровный, монотонный поток жителей. Они шли на работу — на Шоколадную Фабрику. С такой высоты они казались россыпью разноцветного драже, которое кто-то рассыпал по серой, застывшей глазури тротуара. Карамельные человечки шли ровно, покачиваясь в такт беззвучной музыке. На их бледных, глянцевах лицах были выжжены одинаковые, широкие улыбки. Их глаза — круглые бусины из черной кондитерской посыпки — смотрели строго перед собой. Позади них, тяжело переставляя толстые вафельные ноги, шел Пастилатор. Это был огромный, трехметровый страж порядка, состоящий из слоев твердой, безжизненной нуги. В руках он держал гигантский распылитель с Сахарной Пудрой. Если кто-то из граждан начинал «заветриваться» — покрываться трещинами от усталости или

грусти, — Пастилатор подходил и глухим ударом покрывал бедолагу плотным слоем белого порошка, намертво фиксируя улыбку.

Грин перевел взгляд чуть левее, туда, где еще вчера стоял пряничный домик его соседа — Черничного Зайца.

Сейчас там ничего не было. Только идеально ровная, пустая поляна, густо засыпанная свежей, пахнущей кокосом стружкой. Ни стен, ни крыши, ни следов борьбы. Будто Зайца никогда не существовало.

У Грина задрожали желейные колени. Он помнил. Он точно помнил, как вчера вечером Черничный Заяц — старый, сморщенный, с потрескавшимися от времени ушами — сидел на крыльце. Заяц был пьян от забродившего вишневого сиропа. Он плакал. Синие черничные слезы капали на его лапы, оставляя темные пятна. Заяц хватал Грина за обертку и шептал сухими, крошащимися губами: «Они не делают новых граждан, Грин... Они никого не делают с нуля... Мы все — это просто чьи-то переплавленные остатки... Фабрика проголодалась, Грин... Скоро они придут за старыми...»

А в полночь к дому Зайца бесшумно подъехала длинная, лакированная карета из темного горького шоколада. Из нее вышли Пастилаторы. Грин слышал сквозь стену глухую, липкую возню, хруст ломающейся карамели и тихий, оборвавшийся на полуслове хрип.

Утром Грин попытался спросить у соседей-Ирисок, куда делся Заяц. Те лишь повернули к нему свои плоские, янтарные головы. Их леденцовые глаза были абсолютно пустыми.

— Здесь никогда никто не жил, Грин, — хором ответили они, и их голоса прозвучали как шорох фантиков на ветру. — Тебе нужно обновить слой глазури. Ты заветриваешься. Порадуйся Лорду Марципану. Сладость — это стабильность.

Грин запустил лапу глубоко в карман своей помятой целлофановой обертки. Его пальцы нащупали что-то чужеродное. Острое. Холодное.

Он вытащил руку и раскрыл ладонь. На зеленом желе лежал осколок. Это был не сахар, не леденец и не шоколад. Твердый, прозрачный, неестественно тяжелый кусок... стекла. Грин никогда раньше не видел стекла. В Конфетном Городе все было съедобным или органическим. Этот материал казался мертвым и пугающим.

Но самое страшное было внутри осколка. На его острой грани чем-то густым и багровым — веществом, подозрительно напоминающим густой вишневый сироп, но пахнущим железом — было выцарапано всего одно слово.

«БЕГИ».

Грин почувствовал, как внутри него закипает кислота. Его ладонь в месте соприкосновения со стеклом начала медленно таять, превращаясь в липкую зеленую жижу. Память уплывала. Химический клубничный пар из окна уже начал действовать на его мозг, размывая контуры ночного кошмара. Грин понимал: если он сейчас не заставит себя двигаться, через час он забудет и Зайца, и осколок, и то, что он сам — кислый. Он просто встанет в строй и пойдет на Фабрику. Чтобы раствориться в толпе. Или в котле.

Глава 2: Проверка плотности

Грин быстро спрятал осколок обратно в карман обёртки. Кожа на ладони в месте ожога истончилась, мармелад стал жидким и болезненно-липким. Ему нужно было смыть этот сок, пока он не начал капать на пол, оставляя за собой зелёные следы — улики, по которым Карамельные Стражи вычислят его за считанные минуты.

В углу ячейки стоял умывальник. Из крана, сделанного из полый лакричной палочки, тонкой струйкой тек густой прозрачный сироп. В Конфетном Городе не было обычной воды. Жители умывались жидкой глюкозой. Она временно заживляла мелкие трещины на теле, но Грин знал правду: сироп лишь склеивал дефекты снаружи, превращая кожу в тяжёлую, непроницаемую броню, под которой мармелад медленно задыхался и заветривался.

Он подставил ладонь под липкую струю. Сироп неохотно обволок рану, стягивая её края. Стало чуть легче, но внутри, под слоем глянца, продолжало жечь. Кислота лайма никуда не делась. Она просто оказалась заперта внутри.

В дверь постучали.

Звук был нечеловеческим. Глухой, тяжёлый, вязкий удар, от которого задрожали хрупкие вафельные стены ячейки. С потолка посыпалась мелкая сахарная пудра, запорошив зелёные плечи Грина.

— Гражданин Грин, — раздался из-за двери плотный, утробный голос, напоминающий шуршание сотен сухих обёрток. — Плановый осмотр консистенции. Откройте.

Это был Пастилатор.

У Грина внутри всё заledenело, словно его резко выставили на мороз. Плановые осмотры проводились раз в неделю, но его очередь должна была подойти только через три дня. «Они знают, — промелькнула паническая мысль. — Или Ириски донесли, что я расспрашивал про Черничного Зайца, или датчики Фабрики уловили выброс лаймовой кислоты».

— Минуту! — крикнул Грин. Голос предательски дрожал. Чтобы скрыть кислый запах, который всегда выделялся у него при испуге, он схватил со стола банку с приторной ментоловой глазурью и судорожно мазнул себе по горлу. Горло тут же онемело, а в нос ударил резкий, искусственный холод.

Дверь не заставила себя ждать. Тяжёлая зефирная панель с хрустом подалась вперёд, и в тесную комнату, пригнув голову, вошёл страж.

Он едва помещался в проёме. Его тело состояло из чередующихся слоёв жёсткой белой нуги и вязкой коричневой пастилы. Лица у Пастилатора не было — вместо него на плоском прямоугольном пласте высились три огромных круглых леденца, выполняющих роль механических глаз. Они медленно вращались, наводя фокус на Грина. В руке страж сжимал массивный латунный поршень, соединённый шлангом с баллоном за спиной. Из сопла поршня медленно капала густая, мертвенно-белая глазурь.

— Вы пропустили утренний приём клубничного пара, гражданин Грин, — проскрежетал Пастилатор. Его леденцовые глаза зафиксировались на правой ладони медведя, которую тот пытался спрятать за спину. — Ваше окно было закрыто на три сантиметра больше нормативного значения. Это снижает уровень общественной радости.

— Я... я просто засмотрелся на рассвет, офицер, — соврал Грин, чувствуя, как под слоем ментола на шее начинает проступать липкий зелёный пот. Если этот пот капнет на пол, Пастилатор мгновенно определит уровень pH.

— Рассвет — это собственность Лорда Марципана, — монотонно отозвался страж. Он сделал шаг вперёд. Вафельный пол под его огромным весом жалобно хрустнул. — Протяните лапы для замера плотности.

Грин замер. Осколок стекла в кармане обёртки казался раскалённым углем. Если страж проведёт своим ультразвуковым сиропным щупом по его телу, он обнаружит инородный предмет. А если он проверит правую руку — увидит скрытый дефект структуры. Выхода не было. Грин медленно вытянул вперёд левую лапу, стараясь держать правую как можно дальше в тени.

Страж поднял поршень. Холодный металлический раструб прижался к мармеладному плечу Грина. Внутри прибора что-то зажужжало, нагнетая давление. Грин почувствовал, как прибор всасывает кусочек его плоти для экспресс-анализа. Это были самые долгие пять секунд в его жизни.

Бип.

На панели поршня загорелся тусклый жёлтый огонёк.

— Плотность в пределах нормы, — произнёс Пастилатор, но леденцовые глаза-линзы сузились. — Однако зафиксирован повышенный уровень внутреннего напряжения. Ваша масса слишком упругая. Идеальный мармелад должен быть податливым и мягким. Вы не посещали сеансы массового размягчения на этой неделе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.